

ОТЧЕТЬ ОБЪ УЧЕНОМЪ ПУТЕШЕСТВИИ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 19-го апрѣля, Въ его окрестностяхъ, также какъ и по всей Валдайской плоской возвышенности, лежали во многихъ мѣстахъ еще снѣгъ; всѣ деревья стояли голыми или только въ самой ничтожной степени обнаруживали признаки листьевъ; озими едва поднялись отъ земли. За Клиномъ, въ особенности же около Москвы, береза была уже въ листьяхъ, распулся тополь; во многихъ мѣстахъ выступала порядочная зеленая травка, съ свѣжими весенними цветами; около города и дальше по дорогѣ къ Нижнему-Новгороду красиво зеленѣли озими, склонъ закрывшія почву. Но и здѣсь повсюду стояли еще голыми и безлистными липы и яблони. У самой Волги, по ея крутыму правому берегу, въ оврагахъ и рытвинахъ, лежали еще толщами снѣга, рядомъ съ которыми хотя и рѣденькія береговые рощи красовались въ листвѣ и придавали берегамъ и мысамъ Волги веселый весенний видъ, въ особенности тогда, когда онъ окоймляли обширныя сидошные поля довольно высокихъ и совершенно зеленыхъ озимей. Тамъ же, гдѣ къ березовымъ рощамъ примѣшивались еще безлистные липы и яблони или становились преобладаю-

щими, тамъ высокіе берега обширной и широко разливающейся рѣки становились темными и мрачными. Волга была въполномъ разливѣ; около Нижнаго-Новгорода основаніе всѣхъ зданій ярмарки было залито водою; для пароходовъ были открыты водные пути тамъ, гдѣ во времія лѣта они немыслимы; надъ водами рѣки носилась чайка рыболовъ (*Larus ridibundus*); береговая роща оглашались днемъ и по вечерамъ пѣніемъ пѣпочекъ (*Phyllospheuste*), а затѣмъ и самъ соловей подавалъ свой голосъ. Около береговъ и надъ рѣкою встрѣчалась плиска (*Motacilla alba*) и береговая ласточка (*Hirundo riparia*).

Послѣ двухдневнаго пребыванія въ Казани, гдѣ я имѣлъ возможность слегка ознакомиться съ зоологическими коллекціями университета, 24-го мая я отправился далѣе вверхъ по Камѣ. Здѣсь признаки весенней зелени все болѣе и болѣе слабѣли; вмѣсто древесной листвы, по обрывамъ и крутымъ береговымъ оврагамъ, рощи изъ высокихъ пирамидальныхъ елей и стройныхъ сосенъ начали показывать свою темнозеленую или сѣроватую хвою. За городомъ Сарапуломъ, около 26-го—27-го мая, наскѣ встрѣтила выуга съ холоднымъ вѣтромъ, дождемъ и снѣгомъ. На водахъ, еще недавно очистившейся отъ льда рѣки, шныряли громадныя стада перелетныхъ птицъ; изъ нихъ съ парохода я могъ различить только хохлатого нырка (*Fuligula cristata*), свища (*Anas penelope*), частью шилохвостъ (*A. acuta*), чирка (*A. crecca*), но, кромѣ того, тутъ, несомнѣнно, было много и другихъ видовъ гоголей и утокъ. Всѣ эти виды перелетныхъ птицъ ожидали открытія водъ болѣе сѣверныхъ, которыхъ въ это время, несомнѣнно, были еще подъ льдомъ. Въ Перми я засталъ совершенную распутицу; въ лужахъ, канавахъ и въ грязи среди улицъ усердно квакали лягушки, ловлею которыхъ, однако же, я не имѣлъ случая заняться, въ надеждѣ обогатить свою коллекцію въ Екатеринбургѣ, гдѣ, какъ я потомъ уѣхалъ,

одна изъ главныхъ улицъ города носить название «Лягушечьей», по изобилію въ ней представителей изъ рода *Rana*. Уже известно, что подъемъ на Уралъ, начиная отъ Перми, идетъ весьма незамѣтно; только по довольно крутымъ и глубокимъ долинамъ, по частымъ подъемамъ и спускамъ, можно догадываться съ одной стороны, что находишься въ довольно высокой и гористой мѣстности, съ другой—по замѣтно болѣе суровой природѣ, по преобладанію хвойныхъ деревъ, по отсутствію зелени; то же нужно сказать по послѣ-третичныхъ отложеніяхъ; у предгорій Урала преобладаютъ аллювіальные наносы, пески и глины, на вершинахъ же его, видимо, существуютъ продукты ледникова: здѣсь я наблюдалъ довольно ясные слѣды ледникового щебня съ валунами, въ особенности между столбомъ, стоящимъ на границѣ Европы и Азіи, и Екатеринбургомъ. Здѣсь вмѣстѣ съ известковистымъ щебнемъ я видѣлъ даже валуны со слѣдами ледниковой птичковатости, также части основной горной породы со штрихами, направленными отъ NW къ SO; на самомъ послѣднемъ перевалѣ къ Екатеринбургу можно было видѣть возвышенія, представляющія гряды валуновъ и тянущіяся въ опредѣленныхъ направленіяхъ; причемъ валуны, часто громадной величины, были нагромождены другъ на друга. Къ сожалѣнію, чрезвычайно неисправная и утомительная дорога, также желаніе по возможности скорѣе прибыть на мѣсто, откуда должны начаться мои систематическія изслѣдованія, не дали мнѣ возможности остановиться и сдѣлать сколько нибудь обстоятельный наблюденія надъ слѣдами ледникового периода на Уралѣ. Съ переваломъ черезъ Уралъ, начиная отъ Екатеринбурга, потянулись къ востоку чисто аллювіальные отложения изъ песковъ и глинъ; мѣстность сдѣлалась однообразно равнинною, изрѣдка холмистою, болотистою, до самой Тюмени. Въ первыхъ числахъ мая были ничтожны здѣсь и слѣды

весны; на Уралъ я наблюдалъ еще на перелетѣ, около златоустовскихъ ключей, береговыхъ ласточекъ, чайку рыболова, пигалица (*Vanellus cristatus*) была здѣсь парочками; рано утромъ первого мая, которое я встрѣтилъ какъ разъ около пограничнаго столба между Европою и Азіею, я слышалъ голосъ водяной курочки (*Gallinula porzana*); рано по утрамъ, въ лѣсахъ и болотахъ, около дорогъ, токовали тетерева, бекасы, папѣвали овсянки (*Emberiza citrinella*), — она преобладаетъ; вида близкаго къ ней, *E. pithyornis*, свойственного Уралу и Сибири, я еще нигдѣ не встрѣчалъ; около Тюмени можно было слышать голоса другихъ пѣвуновъ, въ родѣ пѣночекъ, зарянки (*Sylvia rubecula*) варакушки (*S. suecica*) и пр.

Подъѣзжая къ Тюмени, я узналъ, что только 2-го мая оказалась небольшая возможность перѣхать черезъ Иртышъ, по Омскому тракту нѣсколькимъ тройкамъ почты; слѣдовательно, по Иртышу, еще въ началѣ мая, былъ сильный ледоходъ. Первый пароходъ въ Иртышъ изъ Тюмени вышелъ 5-го мая, срочный же пароходъ изъ Тюмени въ Томскъ долженъ былъ выйти только 12-го мая; въ ожиданіи этого парохода я и прожилъ въ Тюмени около недѣли. Принятый весьма радушно представителями города, я, въ сообществѣ съ бывальми около береговъ Ледовитаго моря и въ низовьяхъ Оби людьми, вырабатывалъ планъ для своей дальнѣйшей поѣздки и дѣлалъ необходимыя заготовленія. 14-го мая я былъ уже въ Тобольскѣ и встрѣтилъ здѣсь не менѣе радушія, какъ со стороны городскихъ властей, такъ и со стороны всѣхъ лицъ, промышленная дѣятельность которыхъ имѣеть мѣсто по теченію рѣки Оби. Однакожъ, пароходъ, вышедши на Томскъ, встрѣтилъ еще на Оби препятствія въ массахъ льдовъ; это обстоятельство, въ виду одной изъ главныхъ моихъ задачъ — изученія рыболовства, которое начинается только съ совершеннымъ очищеніемъ рѣки Оби отъ льда, задержало меня въ Тобольскѣ; съ другой

стороны, я ожидалъ изъ Петербурга посланную по почтѣ съ разными научными принадлежностями кладь, которую я и получилъ только 20-го мая. — Въ ожиданіи благопріятнаго случая пуститься въ окончательное плаваніе, я старался ознакомиться въ Тобольскѣ со всѣми мѣстными, какъ литературными, такъ и письменными, но еще неизданными данными, хранящимися въ рукахъ частныхъ лицъ и относящимися до природы, людей и ихъ промысловъ въ предстоящей передо мною области путешествія. Въ этомъ отношеніи, также какъ и въ большинствѣ другихъ случаевъ, я въ особенности обязанъ весьма энергичному содѣйствію, оказанному мнѣ со стороны мѣстнаго окружнаго начальника, А. П. Дзерошинскаго. На нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, въ связи съ личными моими наблюденіями, я и укажу въ краткихъ словахъ.

Я нахожусь въ области распространенія кедра, пихты, сибирской ели и частію лиственницы. Кедровники, особенно въ вершинахъ небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Иртышъ, образуютъ густыя чащи (урманы); въ нихъ пребываетъ соболь; вмѣстѣ съ нимъ, какъ исключеніе, встрѣчается куница (*Mustela Martes*), — этотъ по преимуществу европейскій видъ; съ соболемъ распространяется колонокъ (*Mustela sibirica*), горностай, ласка, бурундукъ (*Tamias striatus*); въ березовыхъ лѣсахъ — летяга (*Pteromys volans*). Затѣмъ лѣса, состоящіе вмѣстѣ съ кедромъ, изъ ели, частію пихты и лиственницы, населяютъ росомахи, рыси, медведи и волки. Разныхъ сортовъ лисицы: обыкновенная, сиводушка и чернобурая распространяются здѣсь, и взятая часто изъ гнѣздъ молодыми, воспитываются по домамъ до тѣхъ поръ, пока мѣхъ ихъ не становится годнымъ для продажи. Въ потокахъ и рѣчкахъ довольно часто встрѣчается выдра, по въ большинствѣ мѣстностей — о бобрѣ пѣть и помину; онъ изчезъ съ лица земли; по распросамъ, весьма рѣдко ловится только въ системѣ рѣки Кинды и можетъ быть въ Сургутскомъ округѣ;

принимаю, конечно, все мѣры, чтобы пріобрѣсти его, тѣмъ болѣе, что, по показанію торговцевъ мѣхами, онъ отличъ отъ европейскаго: мѣхъ здѣшняго бобра грубый, шерсть егожесткая и длинная. У мѣстныхъ жителей, оставивъ, осталась только любовь къ бобровымъ шапкамъ, для чего они и покупаютъ бобра европейскаго. Оставляя, однакожъ, всѣ подробности, касательно отѣнковъ здѣшнихъ мѣховъ, каковые я имѣлъ возможность видѣть въ большомъ количествѣ въ шкуркахъ, у здѣшнихъ скушниковъ пущнаго товара, замѣчу только, что здѣшній соболь несетъ на себѣ весьма значительный рыжеватый отѣнокъ и что соболь восточной Сибири гораздо темнѣе. Въ видѣ, конечно, исключенія, встрѣчаются, здѣсь соболи темные и черные, а также и бѣлые; такой экземпляръ, выѣстъ съ четырьмя шкурками бѣлыхъ бѣлокъ, я и представляю. Упущу пока изъ виду и некоторые данные, пріобрѣтенные мною о жизни звѣрей, обѣ ихъ цѣнности, о жизни звѣролововъ, въ надеждѣ въ послѣдствіи представить обѣ этомъ предметѣ болѣе цѣльную картину; теперь же остановлюсь на одномъ небезинтересномъ фактѣ. Благодаря любезности И. А. Туполина, я получилъ двѣ шкуры звѣрей, на первый взглядъ, занимающихъ середину между волкомъ и собакою; это самецъ и самка. По пестрой окраскѣ шерсти онъ приближаются къ собакамъ; отъ бровей до ушей у нихъ тянется, съ той и другой стороны, по рыжеватой или темной полосѣ; затѣмъ вся передняя часть туловища и брюха бѣлая, съ розоватымъ отѣнкомъ между задними ногами; почти отъ середины спины до основанія хвоста у самца тянется широкая темная полоса, а у самки — рыжеватая. Вообще, рисунокъ и форма полосъ на шкурѣ самца и самки почти однаковы и разнятся только по цвѣту. По величинѣ, онъ занимаетъ середину между волкомъ и обыкновенными собаками; по образу жизни, эти звѣри подобны волкамъ, а по хищничеству

они превосходятъ волковъ; они были убиты, въ декабрѣ 1874 года, около Сургута. Стадо въ 10 штукъ, совершенно подобныхъ вышеописаннымъ, особей, охотились первоначально въ лѣсахъ, цѣлымъ, обществомъ за сѣверными оленями; затѣмъ приблизились къ жилью и навели страхъ на мѣстныхъ жителей своими страшными опустошеніями въ домашнемъ скотѣ. Наконецъ, пять изъ нихъ были убиты въ окрестностяхъ Сургута; изъ этихъ пяти два экземпляра выше описаны. Всѣ звѣри охотились сообща, на добычу нападали дружно съ разныхъ сторонъ, въ этомъ отношеніи они напоминаютъ альпійскаго краснаго волка (*Canis alpinus*) изъ горъ южной Сибири. Кромѣ этого случаевъ, подобные хищники въ окрестностяхъ Сургута не появлялись. Затѣмъ я получилъ третій экземпляръ изъ окрестностей Тобольска. Частью по величинѣ, а также по образу жизни, этотъ звѣрь приближался къ волку; онъ также нападалъ какъ на дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, гдѣ и жилъ, такъ и на домашнихъ животныхъ, для чего приближался къ деревнямъ. Онъ былъ довольно длиненъ, но сравнительно низокъ на ногахъ; шерсть на немъ сверху чернобурая, снизу бѣлая, съ розоватымъ отливомъ позади брюха; сверху она довольно длинная и мягкая, чѣмъ и отличается отъ волчей; сохранившаяся еще задняя лапа съ правой стороны, походитъ больше своимъ видомъ на собачью. Жители разсказываютъ, что у нихъ бываютъ иногда степные собаки или дикия, потерявшія хозяевъ, особенно около городовъ, по о первыхъ ихъ показанія весьма не опредѣлены, а вторыя, живущія, напримѣръ, около городскихъ бойнъ, повидимому, непредставляютъ никакихъ отклоеній отъ своихъ обыкновенныхъ праородителей; хотя въ экземплярахъ, выше описанныхъ, никто не хотѣлъ признать одичавшихъ собакъ, я, съ своей стороны, долженъ заявить, что находжу ихъ совершенно тождественными съ обыкновенною собакою и упомянулъ о нихъ лишь

потому, чтобы показать до какой степени они отличали.

Могу сообщить пока некоторые данные и касательно птицъ. Проѣздомъ на пароходѣ изъ Тюмени въ Тобольскъ, сначала по затопленнымъ и низменнымъ лугамъ Туры, часто заросшимъ мелкимъ кустарникомъ, а затѣмъ по Тоболу и Иртышу, въ мѣстахъ подобного же характера, я наблюдалъ громадное количество водныхъ птицъ, въ особенности утокъ. Тѣмъ же изобиліемъ водной и огленастой дичи отличаются въ нынѣшнемъ году и окрестности самого Тобольска. Это изобиліе дичи, по наблюдению мѣстныхъ жителей, связано съ позднею весною въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи. Перелетъ водныхъ и болотныхъ птицъ совершается здѣсь всегда около 17-го и 18-го апрѣля по 25-е. И въ случаѣ, если птицы встрѣчаются на сѣверѣ льды и холода, то возвращаются обратно въ болѣе южныя части губерніи, причемъ нужно замѣтить, что Обь, около Обдорска, вскрывается въ разные годы въ промежутокъ времени отъ 22-го мая по 20-е іюня. Возвратный перелетъ птицъ съ большою ясностью наблюдается при слияніи Иртыша съ Обью, около села Самарова; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ нечто подобное тому явленію обратного перелета птицъ, которое наблюдалъ Н. М. Пржевальскій на южныхъ окраинахъ Гобійской степи. Такимъ образомъ, въ тѣ годы, когда въ сѣверныхъ частяхъ Тобольской губерніи бываетъ весна холодная, средняя и южная части губерніи изобилуютъ дичью, а сѣверные ею сравнительно бѣдны. Съ теплыми веснами на сѣверѣ бываетъ обратно: тамъ изобиліе дичи; тогда птица прямо летитъ на сѣверъ, перелетъ бываетъ кратковременный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдность дичи въ южныхъ частяхъ и даже около Тобольска.

Въ рѣкѣ Исети, преимущественно около Шадринска, принадлежащей уже къ бассейну Иртыша, встрѣчаются рѣчные раки и въ большомъ

изобиліи; кроме того, они сильно распространены и по другимъ рѣкамъ, текущимъ съ восточныхъ склоновъ Урала, по рѣкамъ Пышмѣ, Турѣ, Тоболу и ироч.; встречаются они и по самому Иртышу, отъ Омска до Тобольска, а можетъ быть внизъ и вверхъ по этой рѣкѣ и дальше. Этотъ ракъ, на первый взглядъ, вполнѣ сходствуетъ съ волжскимъ, *Astacus leptodactylus*; по крайней мѣрѣ, его клешни тѣ же, что и у длиннопалаго рака и можетъ быть въ другихъ частностяхъ окажется какое либо различіе. Мѣстные жители полагаютъ, что эти раки искусственно пересажены изъ волжского бассейна; но тотъ небольшой периодъ времени, который приходится изъ рассказовъ на размноженіе этихъ раковъ на такомъ обширномъ протяженіи и въ такомъ большемъ количествѣ, не внушиаетъ особенного довѣрія къ предполагаемой пересадкѣ, и мнѣ кажется, если и допускать происхожденіе иртышскаго рака отъ волжскаго, то не черезъ искусственную пересадку, а инымъ путемъ, естественнымъ. Подобное же предположеніе объ искусственной пересадкѣ было бы возможно на первый разъ сдѣлать и относительно стерляди, свойственной Обскому бассейну; но такое предположеніе было бы совершенно излишне. Стерлядь водится по теченію всего Иртыша, начиная съ Зайсана до его устья, также на болѣшой части теченія Оби, до ея губы. Въ тобольскомъ рыбномъ рынке я видѣлъ цѣлую лодку не большихъ стерлядокъ, которая продавалась отъ 5-ти до 15-ти к. за десятокъ, но и за такую цѣну не было покупателей. Вообще, въ Иртышѣ и Оби стерлядь ловится въ большомъ количествѣ и достигаетъ иногда болѣе пуда вѣсу. Въ какой степени она близка или же даже тождественна съ волжскою, — решить этотъ вопросъ пока не берусь. Но укажу на тотъ фактъ, что стерлядь, несомнѣнно, водилась въ бассейнѣ Иртыша гораздо раньше появленія здѣсь русскихъ. Доказательство мнѣ пришло вырыть изъ развалинъ крѣ-

постей и жилищъ, послѣдніе дни существованія которыхъ совпали со смертью славнаго Ермака Тимоѳеевича. Верстахъ въ 9-ти ниже Тобольска, на правомъ берегу Иртыша, находится высокая гора, съ которой открывается широкій и красивый видъ въ разныя стороны; по одну сторону ея лежитъ Иртышъ, съ другой—широкая низменная равнина, съ третьей она отъ ряда возвышенностей отдѣляется широкимъ оврагомъ. До Ермака жила здѣсь одна изъ женъ хана Кучума; въ черноземно-растительномъ слоѣ этой горы были найдены мною въ большомъ количествѣ обломки весьма изящно обдѣланной глиняной посуды, вмѣстѣ съ нею можно было находить остатки той пищи, котою питалась сама ханша, ея дворъ или даже ея предшественницы. Здѣсь находится множество костей лошадей, коровъ, овецъ,—а также и разныхъ рыбъ, въ томъ числѣ весьма часто встречаются вышеупомянутые покровы осетра и стерляди. Тѣ же остатки пищи находятся въ большомъ количествѣ вверхъ по Иртышу, верстахъ въ 30-ти отъ Тобольска, около деревни Яровой, бывшемъ укрѣпленіи Кучума. Но, безспорно, Искеръ, бывшая столица Кучума—есть въ настоящее время самый обильный источникъ для всякаго рода остатковъ, такъ какъ здѣсь, вѣроятно, копился всякий мусоръ за весьма большое количество столѣтій, прежде чѣмъ Ермакъ Тимоѳеевичъ показался здѣсь съ своею горстью храбрыхъ сподвижниковъ, въ своихъ легкихъ лодьяхъ. Въ основаніи Искера лежитъ также гора, возвышающаяся сажень на 20—30 почти отвесно надъ уровнемъ Иртыша, также какъ съ другой стороны надъ уровнемъ маленькой рѣчки Сибирки, а съ третьей—окопанная рвами. Вся гора, начиная отъ уровня рѣки, состоитъ изъ рыхлыхъ слоистыхъ песковъ, ила и частію глины. На вершинѣ ея, отъ 1-й до 2-хъ саженей мощностью, находятся всякихъ рода остатки человѣческаго существованія, тѣ же кости лошадей, коровъ, овецъ, птицъ

и рыбъ; тутъ иногда можно встрѣтить и оставшуюся кожанную заплатку отъ обуви, кусочки бронзы и желѣза. Покровы осетра и стерляди лежатъ почти въ самомъ основаніи этого пласта, часто сажени на $1\frac{1}{2}$ отъ поверхности, вмѣстѣ съ весьма грубою глиняною посудою. Всѣ эти факты, можетъ быть небезинтересные сами по себѣ, доказываютъ, что обская стерлядь есть довольно старый житель здѣшняго края; вмѣстѣ съ нею находились еще позвонки многихъ рыбъ, вѣроятно, нельмы и другихъ, также глоточные зубы карповыхъ—язя, и зубы щуки. Вообще же, рѣчь о рыбахъ оставляю до другаго болѣе благопріятнаго случая.

Удалось мнѣ наткнуться и на нѣкоторые слѣды каменнаго вѣка; но оставлю пока рѣчь и о нихъ, въ виду того, что мнѣ придется, несомнѣнно, встрѣтить ихъ въ предстоящемъ путешествіи, хотя и частію, въ живомъ видѣ. Передо мною лежитъ медвѣжій зубъ-клыкъ, просверленный въ корнѣ и на шнуркѣ; онъ необходимая принадлежность всякаго аборигена-остяка и вмѣстѣ съ ножомъ носится за поясомъ; усваиваютъ эту привычку и русскіе на случай, если съ осяка требуется клятва или иѣчто въ родѣ присяги—очевидно, что осякъ присягаетъ или клянется по своимъ роднымъ обычаямъ въ родѣ того, какъ древніе русскіе князья присягали передъ греками; а самъ медвѣжій зубъ былъ въ употребленіи уже у жителей каменнаго вѣка въ Скандинавіи (Nilsson. Das Steinalter); осякъ клянется и присягаетъ также надъ медвѣжьею лапою, когтемъ; дрожитъ онъ лапами и зубами разныхъ другихъ животныхъ и отъ этого, именно, обстоятельства, зависитъ то, что три вышеописанныя мною шкуры остались безъ лапъ, частію безъ ушей и носа, и чтобы отыскать одну лапу, нужно было много усилий. Собираясь въ среду этихъ дѣтей хотя и суровой природы, я послѣдовалъ обычай мѣстныхъ жителей, безъ котораго, повидимому, невоз-

можно сближеніе съ ними; я закупилъ разныхъ цвѣтовъ фланели и сукна, колецъ, пуговицъ, поясковъ, иголокъ, шнурковъ и обшивокъ, крючковъ, кремпей, бисеру, табаку и пр. За эти бездѣлушки останкъ платить дарами своей, хотя и крайне суровой, природы. Тяжело, вѣроятно, будетъ встрѣтиться съ этимъ живымъ остаткомъ древности, обижаемымъ теперь со всѣхъ сторонъ. Но въ надеждѣ на добрый исходъ, завтра я памѣренъ пуститься въ путь.

Начну плаваніе въ лодкѣ сначала по Иртышу, изслѣдуя его долину и природу шагъ за шагомъ; затѣмъ отправлюсь въ той же лодкѣ внизъ по р. Оби, до устья. Дальнѣйшихъ плановъ пока не высказываю, хотя у меня и есть желаніе проникнуть въ Тазовскую губу, откуда будетъ возможность возвратиться уже зимою и тогда, можетъ быть срокъ путешествія превысить нѣсколько 7 мѣсяцевъ. Въ заключеніе же долженъ съ глубокою благодарностью упомянуть, что генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Н. Г. Казнаковъ, оказалъ моимъ изслѣдованіямъ самое радушное содѣйствіе, и что города Тобольскъ и Тюмень поддержали мои работы денежнымъ пособіемъ.

— Ив. Поляковъ.

Тобольскъ,
24 мая 1876 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го июля
1876 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ
(Вас. остр., 9-я лин., № 12).